

В многоязычной среде Башкортостана зафиксировано новое явление в жизни частушек – двуязычные частушки-такмаки. Они возникли и бытуют благодаря билингвизму практически всех местных нерусских народов, в том числе сохранивших своё этническое лицо. В одноязычной среде билингвистическое творчество невозможно. Не случайно больше таких текстов записано от чувашей, татар, башкир, марийцев и удмуртов. Гораздо меньше – от мордвы, украинцев и русских. Объясняется это просто: среди русского населения двуязычие встречается редко, а местные украинцы и мордва сильно обрусели и пользуются преимущественно русским языком (96,3% мордвы и 93% украинцев свободно владеют). Доказательством наличия такого творчества служат, к примеру, следующие тексты:

*Понапрасну, милый, ходишь,
Понапрасну ноги бьёшь.
Парахарь ты не получишь,
Карькотыми домой пойдёшь*

*Понапрасну, милый, ходишь,
Понапрасну ноги бьёшь.
Ни черта ты не получишь
И в лаптях домой пойдёшь.*

*Ой, дождик идэ,
С крыши капае.
Меня замуж не берут,
Тильки сватают¹.*

*Ой, подружка моя,
В чуваша влюбилася,
Поговорка «Кил кунта» (иди сюда)
Четыре года снилася.*

Частушки-такмаки возникали в разной этнической среде по-своему, хотя у них есть общие подходы и принципы. Мы выделяем четыре способа их создания.

1. Путём частичного перевода частушек на родной язык, о чём красноречиво говорит текст, написанный в сентябре 1984 г. татаркой Абубакировой Р., 1931 г. рожд., из дер. Каралачик Фёдоровского района:

*Жилләр дует и не дует,
Эллә дует, эллә нет.
Минем ырым базау кебек,*

*Ветер дует и не дует,
Когда дует, когда нет.
Мой милёнок, как телёнок,*

¹ От украинки Грищенко Н.Я., 1926 г.рожд., записано 114 частушек на русском языке. В них почти не обнаружено украинизмов.

Иван Егорович Карпужин – доктор филологических наук, профессор, действительный член общественной академии менеджмента в образовании и культуре, заведующий лабораторией русской филологии Института прикладных исследований АН РБ. Отличник образования РБ, РФ и высшей школы СССР, заслуженный учитель школы БАССР и заслуженный деятель науки РБ, лауреат литературной премии им. Г. Ибрагимова, почётный работник высшего профессионального образования РФ, почётный гражданин Альшеевского района РБ (2012 г.) и почётный профессор СГПА им. З. Бишовой (2012 г.). Среди других наград – 4 медали, свыше десятка почётных правительственных и ведомственных грамот, в числе последних – Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан (2010 г.) и Президента АН РБ (2011 г.).

Әллә любит, әллә нет².

Когда любит, когда нет.

Аналогичного происхождения и этот текст:

*Мильй Юра, синең атлар
Тау астында воду пьют.
Мильй Юра, синең кузләр
Мне покоя не дают.*

*Мильй Юра, твои кони
Под горою воду пьют.
Мильй Юра, твои глазки
Мне покоя не дают.*

Заметим, что на родной язык обычно переводятся такие русские слова, которым в национальном языке имеется эквивалентное слово не только по смыслу, но и по числу слогов, и по месту ударения в нём [жылләр – ветер, әллә – когда, синең – твой, атлар – кони, кўзләр – глазки].

2. Путём творческой переработки русских частушек, привлёкших внимание нерусской молодёжи своей тематикой, образной системой и юмористическим характером. Это основной способ их создания. К примеру, русско-марийская частушка-такмак:

*Ой, Бог, не дай, Бог,
Трактористым йораташ,
Умша йырже мазут веле,
Тудым кузе шупшалаш?*

*Ой, Бог, не дай, Бог,
Тракториста полюбить.
Вокруг рта у него мазут,
Как же его целовать?*

возникла под влиянием известной в ряде вариантов русской частушки:

*Ох, ох, не дай, Бог,
Со стариком знаясь:
По колено борода,
Лезет целоваться.*

*Ох, ох, не дай, Бог,
С калашиком знаясь:
Руки в тесте, нос в муке,
Лезет целоваться.*

Аналогично поступают и другие этносы. Вот, к примеру, почти дословный перевод известной в Башкортостане частушки на чувашский язык:

*Мама, чаю, мама, чаю,
Мама, чаю не хочу.
На дворе стоит мальчишка,
Познакомиться хочу³.*

*Анне, чей, анне, чей,
Анне, чей ёсес килет.
Урамра иёкёт тәрать,
Саванна паллашас килет.*

3. Путём внесения в частушки отдельных нерусских (одного или даже двух языков) слов или наоборот: внесение отдельных русских слов, включая заимствованные неологизмы, в нерусские такмактар, такмаклар, такмакьёс, такмаксем и такмаквлар. Вот, к примеру, два текста, первый из которых записан от удмуртов, где использованы удмуртское слово «дереме» и тюркское «ярото», а второй – от чувашей:

² Ср.: *Ветер дует и не дует,
Когда дует, когда нет.
Мой милёнок полоумный,
Когда любит, когда нет.*

*Ветер дует и не дует,
Ветер дует на чердак.
Хорошо чуваш целует,
Не умеет русский так.*

Записаны Тайгуновой Т. в августе-сентябре 1981 г. Первая – от супругов с.Стерлибашево одноимённого района, вторая – от чувашки Зайкиной И. из дер. Куезбаш Аургазинского района.

³ Записана студенткой СПИ Куликовой Т. в декабре 1977 г. от своей матери Куликовой Е.Д., 1930 г.рожд., русской, неграмотной, в Верхотуре Ишимбайского района. В мужском варианте, записанном студенткой Исаковой З. в декабре 1975 г. от татарина Габдуллина М., 1935 г.рожд., из г.Стерлитамака, третья строка звучит иначе: «На дворе стоит девчонка». Зафиксирована эта частушка также от башкир, чувашей, мордвы, марийцев и других.

У меня на дереве
Петушок да курочка.
Меня трое ярото.
Петя, Ваня, Шурочка.

У меня на сарафане
Петушок да курочка.
Меня трое любят:
Петя, Ваня, Шурочка.

Мана милый не целует,
Только обещается.
Юрату без поцелуев
Строго запрещается.

Меня милый не целует,
Только обещается.
А любовь без поцелуев
Строго запрещается.

Творческий подход в таких частушках-такмаках проявляется и в том, что в раз-
нонациональной среде одно и то же внесённое в частушку выражение звучит на языке
либо исполнителя, либо в угоду данной языковой среде, что подтверждают татарский,
башкирский и чувашский варианты текста:

Ой, подружка моя,
В татарина влюбилась:
Поговорка «Киль мында»
Четыре года снилася.

Ой, подружка моя,
В кого же я влюбилась?!
Поговорка «Киль бында»
Четыре года снилася.

В чувашской частушке девушка влюблена в чуваша и ей четыре года снится по-
говорка «кил кунта» (иди сюда).

4. Создание новых текстов по аналогии с существующими частушками-такма-
ками.

Обычно зачин таких такмаков – довольно свободный перевод популярного за-
чина частушки, а исход или вывод бывает насыщен национальными образами и от-
ражает специфическое для данного народа объяснение какого-то явления. Для связи
зачина с выводом используется распространённый в частушках приём сквозного
развития темы или объяснения. Сравни чувашский такмаксем и частушки:

Атте, ан вӑрҫ-ха, мана,
Анне, ан вӑрҫ-ха, мана,
Хӑвӑр ҫамраҫ пулман-и,
Савнипе выляман-и?⁴

Папа, не ругай меня,
Мама, не ругай меня.
И вы были молоды,
Разве не любили?

Не ругай меня, мамаша,
Не ругай меня, отец,
На работе я ленива,
На гулянье – молодец!⁵

Не ругай меня, мамаша,
Не ругай так грозно.
Ты сама была такая –
Приходила поздно⁶.

В такмаке видна несколько изменённая в чувашской среде практика частушеч-
ников, отмеченная И.В.Зыряновым, создавать новый текст путём творческого соеди-
нения готовых частушечных поэтических формул.

Некоторые такмаки представляют собой кальки частушек не по содержанию, а по
композиции и ритму стихов. В них употребляются и отдельные поэтические приёмы
частушек с первоначальным функциональным значением, которые иногда бывают

⁴ Напеты и записаны студенткой Семеновой Р. из дер. Шланлы Аургазинского района в
июле 1985 г. Ср.: *Анне те вӑрҫать мана,* *И мама меня ругает,*
Атте те вӑрҫать мана. *И папа меня ругает.*
Меня ругань не удержит: *Меня их ругань не удержит:*
Савни юратать мана. *Парень меня любит.*

⁵ Записана Юсуповой М. в пос. Комарово Белорецкого района в 1980 г. от Заварихиной
Д.П., 1885 г.рожд.

⁶ Записана Потеряхиной Л. в декабре 1977 г. от мордвинки Алексеевой Л.Н., 1954 г.рожд.,
проживающей в Покровке Стерлитамакского района.

выражены русским словом. К примеру, исходным материалом для чувашского такмака:

*Неужели утайман,
Неужели чупайман?
Неужели хама вали
Пёр хулиган тупайман?*

*Неужели идти не смогу,
Неужели бежать не смогу?
Неужели для себя
Хулигана не найду?*

послужила одна из частушек:

*Неужели нас погонят,
Неужели повезут?
Неужели наши шмарочки
Проститься не придут?*

*Неужели я полынка,
Неужели горькая?
Неужели пропадёт
Моя головка бойкая?⁷*

Такмак (равно и частушка) представляет собой лирический монолог в форме вопроса. Анафора выражена русским словом «неужели» и выполняет те же, что и в частушках, функции: усиливает смысл вопроса и сохраняет ритмический строй стихов. Но, в отличие от частушки-прототипа, здесь использована распространённая в восточной поэзии рифма типа рубаи, когда рифмуются 1-й, 2-й и 4-й стихи при 3-м нерифмованном.

Двуязычные частушки-такмаки, как и макаронические книжные стихи, носят в основном шуточный или сатирический характер. Иноязычная лексика обычно вкрапливается в тексты с целью придания им комического эффекта, но, в отличие от книжных макаронических стихов, «текст которых пересыпан иностранными словами или словами, составленными на иностранный манер», двуязычные такмаки используют лексику народа, с которым народ-реципиент живёт на одной территории, совместно трудится и отдыхает, решает общие задачи и для которого русский язык стал вторым, а иногда и первым языком.

Билингвистические частушки-такмаки различаются между собой не только содержанием, но и степенью концентрации ресурсов родного и русского языков, характером заимствования русской лексики, отношением к ней, функциональными свойствами заимствованного слова в языке-реципиенте. В зависимости от этого их можно подразделить на три группы: 1) частушки-такмаки, в которых употребляются русские слова, не имеющие словесного эквивалента в национальном языке; 2) частушки-такмаки, где использована русская лексика, хотя в родном языке есть равнозначная ей; 3) частушки-такмаки, текст которых содержит слова, составленные на манер другого языка.

Рассмотрим каждую из этих групп.

Тексты первой группы частушек-такмаков использовали русские неологизмы, ставшие впоследствии достоянием ряда языков. Много таких слов появилось в советское время, когда решительно менялась жизнь малых народов и когда в их быт буквально врвались новые явления и понятия, обозначенные русскими (и не только русскими, но и усвоенные русским языком) словами. Эти слова входили в родные языки без изменения, заметно обогащая их словарный состав и основной словарный фонд. Они употреблялись в живой речи и проникли в народную поэзию. Сюда относятся различные термины и слова типа: совет, комсомол, колхоз, трактор, космос, бригадир, комбайн, целина и другие. Сотни таких текстов с неологизмами помещены в упоминавшемся выше сборнике «Башкирское народное творчество. Байты. Песни. Такмаки». (Уфа, Баш.кн.изд-во, 1981. Подготовили книгу на башкирском языке М. Сайтов и М. Мамбетов). Примером могут служить следующие тексты башкир и чувашей:

Совет, совет, тиганем,

Совет, совет говорю,

⁷ Ср.: *Неужели это будет,
Неужели я дождусь?*

*Белянку рядышком посадят,
Неужели насижусь?.*

Совет өсөн койгәнем.
Ленин юлы тура юл ул,
Иң яратып кәйгәнем⁸.
Трактор каять, трактор килет
Сула пәсса хәварать.
Савни килет те, каять те,
Хурлантарса хәварать.

Болею за Советы.
Ленина дорога – прямая дорога,
Самая любимая.
Трактор приезжает, уезжает
И дорогу портит.
Милый приходит и уходит,
Настроенье портит.

В последнем произведении, записанном нами от чувашки Ю. А. Ефимовой из дер. Месели Аургазинского района в 1985 г., использован распространенный в частушках положительный синтаксический параллелизм, композиционно перешедший в символично-реальный и возникший на основе сопоставления традиционных (порча дороги в частушках – символ грустной любви) и новых (трактор) образов с образами из личной жизни (порча настроения, савни – милый). Употреблен здесь и характерный для частушек повтор глагольных форм, усиливающий выразительность текста и связанный между собой рифмой во 2-м и 4-м стихах. Встречается этот композиционный приём во многих тюрко-язычных и финно-угорских частушках-такмаках.

Аналогично проникли в частушки некоторые нерусские названия газет, селений, географических урочищ и имена собственных. Вот одна из них, записанная в 1984 г. в Стерлитамаке от Григорьевой Л., 1960 г. рожд.:

Подружка моя,
Я их залепляла (глаза).

Три газеты «Кызыл тан»
На ночь не хватало.

Разновидностью частушек-такмаков первой группы являются такие, в которых неологизмы получили национальную огласовку и стали употребляться с присущими языку-реципиенту аффиксами, что подтверждается выделенными словами в следующих башкирском и чувашском произведениях:

Дуглас штурвалда
барган сакта,
Уйнап тора кулдары.
Мул урожай устерәләр
Беззең колхоз улдары.

Когда Дуглас за штурвалом,
Золотые его руки.
Вырастили богатый урожай
Наши сыновья-колхозники.

Балалайкән виҫе хёләх,
Пёр хёләхә татәлнәй.
Мой милёнок ватәлнәй,
Малти шәлэ катәлнәй.

У балалайки три струны,
Одна струна оборвалась.
Мой милёнок постарел,
Передний зуб обломился.

В русле названного процесса оказались и общеупотребительные русские слова, которые имеют также общеупотребительные в быту рассматриваемых народов национальные эквиваленты. К примеру, в разговорной речи тюркских народов широко употребляется слово су (вода). Но это не мешает татарам вводить в текст частушки-такмака русский эквивалент с татарским аффиксом (подчёркнуто):

Бик сусадым, сулар эчтем,
Водасы холодная...
Кого хочу, того люблю...
Ничего подобная.

Выпила очень много воды,
Вода холодная.
Кого хочу, того люблю,
И ничего подобного

⁸ Записана Абдрахимовой Р. в феврале 1970 г. от башкирки Губайдуллиной М.С. из дер. Ишеево Ишимбайского района.

Введение данного слова, состоящего из трёх слогов, последний из которых стоит под ударением, продиктовано необходимостью сохранения ритмического строя стиха.

Итак, частушки-такмаки первой группы можно считать двуязычными лишь относительно, поскольку отдельные бытовые слова и бывшие неологизмы, войдя в словарный состав и основной словарный фонд национальных языков, не воспринимаются теперь как слова иноязычные не только обрусевшей мордвой и украинцами, но и башкирами, татарами, чувашами, марийцами и удмуртами.

К подлинно билингвистическим мы относим частушки-такмаки второй группы, то есть частушки-такмаки, в которых используются слова неродного языка, хотя в родном языке имеются их эквиваленты. Так, русские ряда деревень Альшеевского и Стерлибашевского районов, контактируя с тюркским населением, переняли от него слова «бар» (есть) и «юк» (нет), которые в словарях современного русского литературного языка не зафиксированы, но которые используются русскими в частушке, построенной в форме повествование + диалог:

*Меня милый не берёт,
Говорит: – Перина юк.
Говорю: – Дерюга бар,
Будешь спать как комиссар.*

*Меня милый не берёт,
Говорит: – Перины нет.
Говорю: – Дерюга есть,
Будешь спать как комиссар.*

Сравни с вариантами, записанными от чувашки Акулининой А.Н., 1935 г.рожд., из дер. Надеждинск Зилаирского района и татарки Идрисовой Г.Х., 1978 г.рожд., из г.Стерлитамака:

*Меня милый не берёт,
Говорит: – Перина ёк!
– А дерюжка моя бар,
Будешь спать как комиссар.*

*Мой милоч, мой милоч,
У меня перина ёк,
Но зато дерюга бар,
Будешь спать как комиссар.*

Двуязычной является и следующая частушка-такмак, исполняемая молодёжью татарской дер. Кузяково Аургазинского района:

*Баш авырта, сердце колет,
Невозможно тузэргә.
Если меня не полюбишь,
То придётся улэргә.*

*Голова болит, сердце колет,
Невозможно терпеть.
Если меня не полюбишь,
Ведь придётся умереть.*

Нетрудно заметить, что татарские глаголы «тузэргә» и «улэргә» здесь употреблены не с целью сохранения рифмы и ритма стихов, так как русские эквиваленты «терпеть» и «умереть» также рифмуются между собой, также состоят из трёх слогов, также имеют ударение на последнем слоге и могли бы успешно их заменить. Перед нами игра словом, сопоставление русского и родного языков, эстетическое отношение к их лексическим ресурсам с целью придания тексту определенного комического эффекта.

В частушках-такмаках второй группы можно выделить несколько разновидностей в зависимости от степени концентрации слов родного и русского языков, их места и функциональной роли в художественном тексте.

Простейшим шагом в формировании билингвистических частушек-такмаков было, как уже отмечалось, включение в такмаки отдельных русских слов (нерусских – в частушки), которые называли отдельные бытовые предметы или отношения в жизни людей, как-то: сапоги, носки, штаны, дорога, путь, шутка, любовь, окно, лампа и другие, что подтверждается следующими частушками-такмаками чувашей, татар и удмуртов:

Шурă носки пур-и сан

Белые носки есть у вас

Сыхса парам-и сана?⁹
Улталаса сүренёшён
Супса ярам-и сана?
Уфаларга барган чакта,
Кузяк кала по пути.
Любовь сиңа не уенчык,
Аның белән не шути.
Резинка, кырен чулка
Ми но кутчалом али.
Сычё алдан зәйт пиосын
Ми но ветломы али.

Или сама ван свяжу?
Или за обман
Пощечину дать?
Когда едешь в Уфу,
Кузяково на пути.
Любовь тебе не игрушка,
С ней не шути.
Резиновые калоши, сиреневые чулки
И мы наденем ещё.
Со стоящими чужими парнями
И мы погуляем ещё.

Установить закономерность размещения русских слов в частушках-такмаках вряд ли возможно, ибо они могут занимать там любое место: быть в начале стиха, в середине или конце его, употребляться в одном, двух, трёх и даже четырёх стихах одновременно, как в приводимом ниже тексте татар:

Люблю, диссең, люблю,
диссең,
Любишь, яныма утыр.
А не любишь, дальше утыр,
Я найду другой матур.

Люблю, говоришь, люблю,
говоришь,
Любишь, так садись рядом.
А не любишь, дальше садись,
Я найду другую красавицу.

Наряду с отдельными словами стали проникать в такмаки и простые словосочетания типа «от души гулять», «право иметь», «никуда не годится» и т.п., что видно в следующих частушках-такмаках татар и марийцев:

Кичә улде этәчем,
Буген улде песием.
Улсеннәр әйдә барысы да,
От души гулять итәм.
Күшнө курык вуйыштыжо –
Школ огыл, больница.
Ай, йолташем, тыйын танет
Никуда не годится.

Вчера умер мой петух,
Сегодня умерла кошка.
Пусть хоть все они умрут,
От души гулять буду.
На вершине горы –
Не школа, а больница.
Ай, подружка, твой ухажёр
Никуда не годится.

Следующим шагом в формировании билингвистических такмаков было введение в них целых стихов, как в приведённом марийском тексте, на русском языке. Они могли занимать в монострофе любое место.

Сравнительно часто встречаются такмаки, в которых два стиха исполняются на русском, а два других – на башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском и других языках. Русские стихи обычно занимают 1 и 3 или 2 и 4 места. Как правило, они рифмуются между собой. В таких частушках-такмаках употребляется параллелизм двух уровней. Первый служит, как и в частушках, для связи зачина с выводом, второй (языковый, в частушках отсутствует) – для связи одноязычных строк, в которых иногда применяется и звукопись. Например, русско-чувашский текст:

Я платочек вышивала
Мәнтәр хәмәт йәптине.
Дни и ночи горевала:
Хаман савни суккипе?¹⁰

Я платочек вышивала
Хомутной иглой.
Дни и ночи горевала:
– Где же миленький ты мой?

⁹ Записано от чувашки Ефимовой Ю.А. из дер. Месели Аургазинского района Башкортостана.

¹⁰ Ср.: Я платочек вышивала
Толстой штопальной иглой,

День и ночь я горевала
О милёнке о своём.

Творческий подход исполнителей к ресурсам родного и русского языков, игра ими в билингвистических частушках-такмаках зависит от ряда причин: от совершенства владения жанрами частушек и такмаков, а также упомянутых языков, от настроения певцов, желающих блеснуть своим мастерством, от конкретной ситуации, в которой поётся частушка-такмак, от реакции воспринимающих и т. д. Именно этим объясняются факты, когда в одних случаях творческой переработке больше подвергается русская часть билингвистического текста, а в других – национальная, что хорошо видно из сравнения следующих двух вариантов:

*Петух поёт, петух поёт,
Эллэ таң атамыкән?
Часто, часто письма пишет,
Эллэ яратамы икәң?
Рано утром петух поёт,
Эллэ таң атамы икәң?
Каждый вечер к нам приходит,
Эллэ яратамы икәң?*

*Петух поёт, петух поёт,
Наверно, рассветает?
Часто, часто письма пишет,
Наверно, любит?
Рано утром петух поёт,
Может быть, рассветает?
Каждый вечер к нам приходит,
Может быть, любит?*

В башкирской части текста обращает на себя внимание дактилическая составная римфа (таң атáмы икән – яратáмы икән), где последнее слово выполняет функцию энклитики.

Убедительным примером творческого подхода к переделке национальной части произведения являются варианты представленной ниже частушки-такмака татар:

*Бер тауык, бер курица
Конькида катаются.
Мин кем белән йөрием,
Тебя не касается.
Один петух, две курицы
На коньках катаются.
Яратаммы, яратмыйммы,
Тебя не касается.
Ике тауык, бер курица
Конькида катаются.
Свясеңме, сөймисеңме,
Меня не касается.¹¹*

*Одна курица, курица
На коньках катаются.
Кого я люблю,
Тебя не касается.
Один петух, две курицы
На коньках катаются.
Люблю или не люблю,
Тебя не касается.
Две курицы, курица
На коньках катаются.
Любишь или нет,
Меня не касается.*

Замена татарских слов (бер тауык, бер; ике тавык, бер) русскими (один петух, две) основана не на смысловом, а слоговом и ритмическом калькировании. Третий измененный стих звучит на национальном языке, то есть перед нами уже иное построение произведения. Частушки-такмаки такой композиции встречаются не реже рассмотренных выше.

Распространенность двуязычных частушек-такмаков, в которых только третий стих звучит на национальном языке, объясняется тем, что в них, как и в частушках, допускается отсутствие конечных рифм в 1-м и 3-м стихах, а подыскать рифмующиеся между собой слова разных языков труднее, чем одного языка.

В целях получения неожиданного эффекта может рифмоваться и разноязычная лексика, как, к примеру, русско-башкирская и русско-татарская:

¹¹ Сравни башкирский вариант:
*Ике тауык, бер курица
Конькиза катаются.
Минең кемде яратканым,
һезгә не касается.*

*Две курицы, курица
На коньках катаются.
А кого я полюбила,
Вас это не касается.*

Во уфимском магазине
Продаются волосá.
Наши милые мальчишки
Кыззар өсөн талашá.
(дерутся из-за девушек)

На столе стоит стакан,
А в стакане таракан.
Если ты меня не любишь,
Щенок белөн талатам.
(Щенком затравлю).

В билингвистических частушках-такмаках по аналогии с частушками употребляются мужские, женские, дактилические, даже составные рифмы и все известные частушкам способы рифмовки, а именно: перекрестный (абаб), охватный (абба) смежный (аабб), типа рубаи (ааба). Могут также рифмоваться 2-й и 4-й стихи при 1-м и 3-м не рифмованных, последние три стиха (аббб) или же (редко) одной рифмой бывают связаны все 4 стиха. Причём рифма может быть одно- или двуязычной, как в приводимых текстах чувашей и татар:

Ой, сад – виноград, (а)
Савни, эсё виноват. (а)
Савни, эсё виноват мар,
Сивётекен, виноват. (а)

Ой, сад – виноград,
Милый, ты виноват.
Милый, ты не виноват,
Виноват, кто разлучает.

Вообще рифме в двуязычных частушках-такмаках придаётся особое значение. Иногда в угоду ей исполнители даже меняют ударение в слове. Сравни башкирский и татарский варианты:

Меня милый очень любил:
Кофта, юбка подарил.
Через купер сыккан сакта,
Палка менэн ударыл.
Мой милёнок бигерэк матур,
Ак чэчэклар подарил.
Тэрэздэн чыккан чакта,
Палка белэн ударыл.

Меня милый очень любил,
Кофту, юбку подарил.
Через мостик проходила,
Палкой меня ударил.
Мой милёнок красивый,
Белые цветы подарил.
Когда выходила из окошка,
Палкой ударыл.

Особую разновидность билингвических частушек-такмаков представляют такие, в каждом стихе которых одна и та же мысль дублируется на разных языках. При этом в русской части произведения в целях создания дополнительного комического эффекта иногда нарушаются нормы глагольного управления, характерные для тюркских и финно-угорских народов. Игра словом здесь достигает особого уровня. Данное явление можно классифицировать как своеобразный двуязычный каламбур. Например, башкирский вариант:

Урам безгә – улица,
Тауык безгә – курица,
Этәс безгә – петуха,
Ә егеттәр – чепуха.

Улица – для нас улица,
Курица – курица,
Петух для нас петух,
А джигиты – чепуха.

К каламбурным следует относить также тексты, в которых вслед за употреблением русским или нерусским словом даётся его перевод на другой язык, как это делают, к примеру, татары и чувашаи:

Чёрное дингез – Кара море.
Гуси – казлар йөзаләр.
Красивые – матур кызлар
Умирают – улаләр.
Чёрное море – хура тинёс,
Гуси – хурсем ишеçсё.

Чёрное море – Чёрное море,
Гуси – гуси плавают.
Красивые – красивые девушки
Умирают – умирают.
Чёрное море – Чёрное море,
Гуси – гуси плавают.

*Бишкаинън хёрёсем
Плачут – макарассе.*

*Бишкаинские девчата
Плачут – плачут.*

Вариациями каламбуров являются частушки-такмаки, где в одной строке помещены две противоположные по смыслу фразы на башкирском (равно другом) и русском языках (подчёркнуто):

*Тау башында, под горою
Гуси – каззар йөзэләр.
Почему кала кыззары
Умирают – улэләр?*

*На горе, под горою
Гуси – гуси плавают.
Почему городские девушки
Умирают – умирают?*

Игра разноязычной лексикой этим не исчерпывается. Рассмотрим два татарских варианта этой же частушки-такмака:

*Тау астында – под горою
Гуси – каззар йөзэләр.
Эх, красивые девушки
Узәгемне өзэләр.
Тау астында – под горой
Гуси – каззар йөзэләр.
Сандугачлар – соловейлар
Узәгемне өзэләр.*

*Под горою – под горою
Гуси – гуси плавают.
Эх, красивые девушки
Трогают мою душу.
Под горой – под горой
Гуси – гуси плавают.
Соловьи – соловьи
Мою душу трогают.*

В последнем варианте частушки-такмака обнаруживается ещё одна особенность игры русской и нерусской лексикой. В третьем стихе переведённой на русский язык оказывается только часть слова (сандугач – соловей). Множественное число русского слова образовано по законам татарского языка, то есть при помощи добавления аффикса – *лар*, что, видимо, продиктовано желанием исполнителей сохранить ритм стиха (в 1-м и 3-м стихах по 8 слогов, а при образовании множественного числа по законам русского языка один слог теряется).

Творческий процесс не исчерпывается рассмотренными разновидностями. Он более обширен и многогранен, а потому породил и некоторые переходные явления. Так возникли частушки-такмаки, в которых смешиваются разные принципы игры русским и нерусским словом, а именно: каламбур, звучание третьего стиха на национальном языке, наличие русских рифмованных стихов. В целом такие произведения строятся по законам синтаксиса русского языка, как, например, татарский вариант:

*Татарча: – Кая барасын?
Ә русча: – Куда пойдёшь?
Ярларыңны ятлар алса,
Пожалуй, с ума сойдёшь.*

*По-татарски: – Куда пойдёшь?
По-русски: – Куда пойдёшь?
Если любимого отобьёт чужая,
Пожалуй, с ума сойдёшь.*

В чувашском варианте к указанным принципам добавляется произношение некоторых русских слов на нерусский манер (подчёркнуто):

*Чувашла: – Аста каян?
Вырăсла: – Куда пойдёшь?
Савни синген уйла-уйла,
Навернă, с ума сойдёшь.*

*По-чувашски: – Куда пойдёшь?
По-русски: – Куда пойдёшь?
Всё думая о любимом,
Наверно, с ума сойдёшь.*

Марийский вариант оказался уже трёхязычным:

*Татарча: – Кая барасын?
Орысса: – Куда пойдёшь?
Йолташетым йот налеш гын,*

*По-татарски: – Куда пойдёшь?
По-русски: – Куда пойдёшь?
Если друга отобьёт другая,*

Пожалуй, с ума сойдёшь.

Пожалуй, с ума сойдёшь.

По Куторову, в марийских песнях рифма не играет строфообразующей роли. В нашей частушке-такмаке под русским влиянием (построена по законам синтаксиса русского языка) рифма выполняет важную метрическую функцию, разделяя и замыкая отдельные стихи, оформляя произведение в чёткую строфу.

Есть в творчестве всех упоминавшихся народов не отмеченные выше тонкости манипуляции двумя языками. Прокомментируем это на примерах, записанных от марийцев (5 текстов):

*Эх-ма, Кострома,
Марийская сторона!
Марийский сторонаште
Ила мемнан йолташна.*

*Эх-ма, Кострома,
Марийская сторона!
В марийской стороне
Живёт наш друг.*

В данной частушке-такмаке первые два стиха даны на русском языке, третий представляет собой повторение второго, но в марийской огласовке. Четвёртый стих звучит по-марийски, но связан с рифмой с первым и вторым стихами. Перед нами пример рифмы типа рубая, когда созвучными оказываются 1-й, 2-й, 4-й стихи при 3-м нерифмованном. Эмоциональность и выразительность частушки-такмака усиливается аллитерацией (м, н), связывающей русскую и марийскую лексику.

В частушках-такмаках русская лексика используется в качестве:

а) анафоры, которая служит для выделения наиболее значимого слова:

*Неужели упаду?
Неужели пропаду?
Неужели шўм йолташым
Шкаланем не найду?*

*Неужели упаду?
Неужели пропаду?
Неужели друга сердца
Сама себе не найду?*

б) анафористического повтора в синтаксическом единоначатии:

*Неужели роза саска
Вўд йымала пеледеш?
Неужели йораталмем
Ен кид йымалан кодеш?*

*Неужели розы цветок
Цветёт под водой?
Неужели мой друг
Остаётся в чужих руках?*

в) эпифоры:

*Мо тугае в самом деле?
Кажне капка тўкылмө.
Мо тугае в самом деле?
Кажне каче пайлыме.*

*Что такое в самом деле?
Все ворота заперты.
Что такое в самом деле?
Все дни распределены.*

г) определения к «омариенным» существительным, появление которых вызывается, видимо, трудностями подобрать к русскому слову рифмующееся марийское:

*Мишкан лапкыш пасма толын,
Материалже бумажный.
Мемнан дене ит ойласе:
Характерна неважный.*

*В мишкинский магазин ленты привезли,
Материал хлопчатобумажный.
С нами не разговаривай:
Характер неважный.*

Аналогично поступают и чуваша. Сравни:

*Ёлки-палки, ёлки-палки,
Был Василий на рыбалке.*

*У него судьба такой –
Ловит рыбу он рукой.*

Таким образом, частушки-такмаки именно второй группы могут считаться подлинно двуязычными. В них звучат голоса людей разных национальностей с их миром чувств и переживаний, с их взглядом на жизнь. Эти частушки-такмаки позволяют проследить и увидеть завидное разнообразие способов и приёмов взаимодействия ресурсов разных языков в процессе создания поэтических произведений.

Теперь рассмотрим третью группу макаронических произведений, в которых употребляются слова, составленные на манер другого языка. В нашей классификации они также названы частушками-такмаками. Это по существу одноязычные тексты, так как используется лексика только русского языка. Но в отличие от частушек в них отдельные русские слова или целые выражения как бы имитируют типичные ошибки, встречающиеся в русской речи башкир, татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и других народов.

Чаще бывают нарушены нормы отнесенности русских слов к мужскому, женскому или среднему роду, нормы согласования в числе, а также нормы глагольного управления. Первоначально ошибки возникали в речи нерусских исполнителей из-за неглубокого знания ими русского языка и неумения разобраться в его сложной грамматической структуре, отличной от грамматического строя родных языков. Затем характерные языковые ошибки рассматриваемых народов заметили русские и стали употреблять их в частушках с комической или сатирической целью. Возможно, что часть таких частушек перенята представителями нерусских народов. Не исключено также их участие в творческом создании таких частушек-такмаков.

Как показывают специальные наблюдения, финно-угорские и тюркоязычные исполнители частушек-такмаков, хорошо говорящие по-русски, не пытаются исправить текст, привести его в соответствие с нормами русского языка и тем самым добиваются комического эффекта. Воспринимающие чувствуют его.

Рассмотрим только два таких произведения:

*Едет трактор, чёрный дым,
А на нём мой мать родной.
– Почему он там сидит?
– У него судьба такой.*

*Через наша улица
Течёт холодный вода.
Моё сердце пожар горит,
Не потухнет никогда.*

Внимательное прочтение текстов свидетельствует, что ошибки выполняют в них определённую художественную функцию. Их не всегда можно исправить, не нарушив при этом характера частушки-такмака, ритмического строя стихов, рифмы или лексического состава. Так, исправление в первом произведении второго стиха (А на нём мать родная), третьего (Почему она там сидит?) и четвёртого (У неё судьба такая) нарушает его ритм и превращает стихотворное произведение в прозаическое.

Во второй частушке-такмаке переделке поддаётся только первый стих (Через нашу улицу). Изменение же окончания *-ый* в слове «холодный» из второго стиха на *-ая* также вызывает перебои в ритме. Чтобы придать русское звучание третьей строке, требуется добавить отсутствующий предлог «в» (В моём сердце пожар горит).

Итак, перед нами не просто ошибки, вызванные слабым знанием русского языка финно-угорскими и тюркоязычными певцами, а явление художественного порядка, что даёт основание рассматривать частушки-такмаки как особый вид макаронической поэзии (по аналогии с книжными стихами, где отдельные слова составлялись на иностранный манер). Записи же билингвистических частушек-такмаков, осуществленные в последние 5–7 лет XXI в., свидетельствуют, что эта разновидность художественного творчества не затухает в Башкортостане и является живым свидетельством межэтнического сотворчества разных народов, осуществляемого по зову сердца безымянными авторами.